

УДК 342.56+004.9

DOI: 10.34670/AR.2026.33.12.026

Международный опыт правового регулирования цифровизации органов прокуратуры

Евлоев Тамерлан Якубович

Аспирант,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: vasil.andreev.97@internet.ru.

Аннотация

Цифровизация государственных органов уже является глобальным трендом, затрагивающим и систему органов прокуратуры. Внедрение цифровых технологий повышает прозрачность работы, ускоряет процессы и снижает коррупционные риски. В данной статье рассматривается, как разные страны или группы стран регулируют этот процесс на законодательном уровне и с какими проблемами сталкиваются за рубежом при регулировании внедрения цифровых инструментов в жизнедеятельность органов прокуратуры других стран.

Для цитирования в научных исследованиях

Евлоев Т.Я. Международный опыт правового регулирования цифровизации органов прокуратуры // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 221-227. DOI: 10.34670/AR.2026.33.12.026

Ключевые слова

Цифровизация, органы прокуратуры, государственное управление, цифровые технологии, законодательное регулирование, международный опыт, правовое регулирование, сравнительно-правовой анализ.

Введение

Цифровизация органов прокуратуры представляет собой комплексный процесс трансформации их деятельности посредством внедрения информационных технологий, направленный на повышение эффективности надзора, ускорение уголовного преследования, оптимизацию работы с доказательствами и обеспечение прозрачности правосудия. В условиях глобальной цифровизации правовых систем различные государства подходят к этому процессу с учетом своих правовых традиций, политических приоритетов и технологического развития. Анализ опыта Европы, Китая и США позволяет выделить как общие тенденции (переход к электронному документообороту, использование ИИ для анализа данных и управление цифровыми доказательствами), так и существенные различия в нормативном регулировании и акцентах.

Основная часть

В Европейском Союзе цифровизация прокуратуры тесно связана с общими инициативами по цифровой трансформации правосудия, такими как Digital Justice Strategy (DigitalJustice@2030) и проект EU4Digital Justice. Европейский подход акцентирует внимание на защите фундаментальных прав, данных и конфиденциальности в соответствии с GDPR и Хартией ЕС об основных правах. Значительное развитие получила Европейская прокуратура (EPPO), которая активно работает с электронными доказательствами (e-evidence) в трансграничных делах, связанных с преступлениями против финансовых интересов ЕС. Нормативно-правовая база включает директивы по электронным доказательствам и рекомендации UNESCO/Международной ассоциации прокуроров по сбору цифровых доказательств с соблюдением стандартов свободы выражения и приватности [Yavuz Selim Balcioğlu, Ahmet Alkan Çelik, Erkut Altındağ, 2025].

Авторы, анализирующие европейский опыт (например, в контексте EJTN — Европейской сети по обучению судей и прокуроров), подчеркивают важность непрерывного обучения прокуроров цифровым навыкам, межгосударственной координации систем управления делами и баланса между эффективностью и правами человека. В странах вроде Нидерландов, Германии, Швеции и Финляндии особое внимание уделяется цифровым доказательствам в киберпреступлениях, с акцентом на стандарты ECHR [Enqvist, 2023].

Европейские эксперты часто критикуют чрезмерную бюрократизацию и риски нарушения приватности при трансграничном доступе к данным, выступая за гармонизированные правила (например, в рамках предложений по e-Evidence Regulation). Этот подход отражает модель, ориентированную на права граждан, в отличие от более централизованных систем.

Исследования и анализ практики в США показывают широкое использование ИИ-инструментов американскими прокурорами для таких задач, как приоритизация дел, оценка рисков и даже принятие решений.

Эта практика направлена на оптимизацию распределения ограниченных ресурсов и повышение скорости рассмотрения дел.

Однако этот подход сопряжен с серьезными правовыми и этическими рисками, которые активно обсуждаются в академической литературе. Самым известным примером является дело State v. Loomis, связанное с использованием алгоритма COMPAS для оценки вероятности

повторного совершения преступления. Верховный суд штата Висконсин вынес компромиссное решение: он разрешил судам использовать результаты работы алгоритма, но одновременно потребовал, чтобы они не служили единственным основанием для назначения более сурового наказания, и обязал судей давать объяснения, если они приняли во внимание эти результаты. Это решение иллюстрирует, как американская правовая система пытается инкорпорировать новые технологические инструменты, сохраняя при этом существующие процедуры защиты, такие как право на перекрестное допрос и справедливый процесс [He, & Zhang, 2025].

Эксперты указывают на то, что алгоритмы могут не только ошибаться, но и усугублять существующие системные предубеждения. Исследование, проведенное Dressel и Farid, показало, что COMPAS не был точным и имел почти двукратно более высокий уровень ошибок для чернокожих подсудимых по сравнению с белыми. Это подтверждает опасения, что ИИ, обученный на исторических данных, содержащих человеческий предрассудок, будет его воспроизводить и усиливать.

Другой пример — австралийская программа "Robodebt", которая с помощью алгоритмов автоматически сравнивала доходы получателей пособий с их заявлениями, что привело к массовым неверным уведомлениям о долге, перекладыванию бремени доказывания на граждан и серьезным психологическим травмам, вплоть до самоубийств. Эти случаи демонстрируют, что без должного контроля автоматизация может приводить к масштабным и трагическим последствиям для отдельных лиц.

Вопрос ответственности является одним из самых сложных и пока не имеющих окончательного решения. Авторы, такие как Джон Маккарти и Мэри Хайман, утверждают, что ИИ не создает новой дискреции, не снимает ответственности и не меняет основного долга прокурора — добиваться справедливости. Однако они же признают, что с появлением ИИ возникают новые, нетривиальные вопросы: кто несет ответственность за ошибки алгоритма? Разработчики программного обеспечения, пользователи (прокуроры), которые доверяют его результатам, или само государство, которое внедряет эти системы? Эта неопределенность остается одной из главных проблем американской модели.

В Китае цифровизация прокуратуры является частью более широкой реформы «умных судов» (и судебной информатизации, инициированной Верховным народным судом и поддерживаемой на высшем политическом уровне. Правовая база Китая в этой сфере состоит из трех основных нормативно-правовых актов: Закона о кибербезопасности (2017), Закона о защите персональной информации (PIPL, 2021) и Закона о безопасности данных (2021). Эти законы устанавливают общие принципы обработки данных, такие как законность, целесообразность, необходимость и добросовестность. Однако ключевую роль играют подзаконные акты, разрабатываемые Центральным управлением по киберпространству (CAC). Среди них "Положения о регулировании использования алгоритмических рекомендаций" (PAAR, 2022) и "Временные положения по управлению генеративными ИИ-сервисами" (2023), которые предоставляют конкретные правила для разработчиков и операторов ИИ.

С 2016–2017 годов активно внедряются ИИ-системы для анализа досье, выявления несоответствий, рекомендаций по приговорам и автоматизированного надзора. Прокуратуры используют платформы вроде Fiscal AI (в провинции Аньхой) для проверки дел, Little Judge Bao и интегрированные системы с полицией и судами.

Примером такой системы является "Шанхайская система помощи по расследованию

уголовных дел с помощью искусственного интеллекта", известная как "206". Эта система используется всеми участниками уголовного процесса — полицией, прокуратурой и судами — и предоставляет им рекомендации по аналогичным делам на разных этапах: от решения о задержании до вынесения приговора. Она поддерживается Центральным политическим и правовым комитетом и разработана при участии технологических гигантов, таких как iFLYTEK. Однако эксперты, как китайские, так и международные, с большой осторожностью относятся к этой модели, выявляя серьезные риски для прав человека и справедливости. В первую очередь, это так называемый "эффект якоря", когда прокуроры и судьи могут чрезмерно доверять рекомендациям ИИ, даже если они неверны, что подавляет их независимое профессиональное суждение на конкретное дело [Manotar Tampubolon, 2025].

Также, возникает проблема перекладывания ответственности. Если ИИ дает неверный совет, становится крайне сложно определить, кто несет ответственность — разработчик, прокурор, который принял решение, или сама система в целом. В-третьих, есть опасения, что автоматизация может подрывать процедурные гарантии защиты для подсудимых, ограничивая их право на полноценное состязательное противоборство сторон [Wanqiang Wu, Xifen Lin, 2025].

Российские авторы, такие как С. Я. Давудова и К. Т. Рагимханова, в сравнительно-правовых исследованиях отмечают высокую эффективность китайского подхода в повышении скорости обработки дел и снижении рутинной нагрузки на прокуроров, но подчеркивают риски чрезмерной централизации и ограничения независимости. Авторы подчеркивают, что модель Китая ориентирована на национальную безопасность и эффективность государственного аппарата, с широким применением больших данных и блокчейна, в отличие от более либеральных западных подходов [Давудова, Рагимханова, 2025].

В США цифровизация прокуратуры осуществляется децентрализованно, с акцентом на борьбу с киберпреступностью, управление цифровыми доказательствами и электронное расследование. DOJ и National District Attorneys Association развивают программы обучения прокуроров работе с цифровыми активами, цифровой криминалистикой. Особое внимание уделяется обработке больших объемов цифровых доказательств в делах о мошенничестве, терроризме и интеллектуальной собственности.

Американские и международные авторы отмечают перегруженность данными, необходимость координации между следователями и прокурорами, проблемы приватности и допустимости цифровых доказательств в суде. Прокуроры часто сталкиваются с необходимостью балансировать эффективность и конституционные права. В отличие от Китая, модель США более ориентирована на инновации частного сектора, с сильным фокусом на обучение и адаптацию к новым угрозам (таким как кибервалюты, дипфейки).

Подытоживая, проведенный сравнительно-правовой анализ международного опыта регулирования цифровизации органов прокуратуры позволяет сделать вывод о том, что данная трансформация носит глобальный и необратимый характер, однако ее траектория кардинально различается в зависимости от политико-правовой модели конкретного государства. На сегодняшний день в мире сформировались три ключевых подхода к технологической модернизации прокурорской деятельности.

Европейская модель характеризуется приоритетом защиты фундаментальных прав граждан, конфиденциальности данных и строгим соблюдением стандартов приватности, что находит

отражение в гармонизации трансграничного оборота электронных доказательств и осторожном внедрении систем искусственного интеллекта.

Американский подход демонстрирует децентрализацию и высокую практическую адаптивность к новым киберугрозам при активном привлечении инноваций частного сектора, однако сталкивается с проблемами на практике и этическими дилеммами в области воспроизводства алгоритмических предубеждений и размывания прокурорской дискреции.

Китайский вектор цифровизации ориентирован на максимальную централизацию, государственную безопасность и системную интеграцию ведомств, где сквозные платформы ИИ глубоко внедрены в процесс принятия решений, что порождает специфические риски «эффекта якоря» и подавления независимого профессионального суждения прокуроров.

Заключение

Несмотря на концептуальные различия, все рассмотренные правовые системы сталкиваются с единым комплексом глобальных вызовов, среди которых ключевыми являются дефицит квалифицированных кадров, необходимость модернизации уголовно-процессуальных институтов под нужды цифровой криминалистики и доктринальная неопределенность в вопросах распределения ответственности за ошибки автоматизированных систем между разработчиком, прокурором и государством [Желещиков, 2024].

Главным вектором дальнейшего развития правового регулирования в этой сфере должно стать достижение разумного баланса, при котором оптимизация рутинной нагрузки, применение больших данных и повышение скорости уголовного преследования не будут подрывать базовые процедурные гарантии защиты, право на справедливый процесс и ключевую функцию прокурора — обеспечение верховенства права и справедливости.

Учитывая изложенное, для России необходимо принимать как удачный опыт правового регулирования цифровых инструментов, так и неудачный для более успешной реализации своей собственной Концепции трансформации органов прокуратуры, утвержденной Приказом Генпрокуратуры России от 11.09.2025 № 621.

Библиография

1. Давудова С. Я., Рагимханова К. Т. Международный и отечественный опыт применения современных информационных технологий в деятельности прокуратуры // Закон и право. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-i-otechestvennyy-opyt-primeneniya-sovremennyh-informatsionnyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-prokuratury>.
2. Желещиков А. А. Международный опыт использования института цифровизации в механизме государственно-правового регулирования // Государственная служба и кадры. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-ispolzovaniya-instituta-tsifrovizatsii-v-mehanizme-gosudarstvenno-pravovogo-regulirovaniya>.
3. Enqvist, L. (2023). 'Human oversight' in the EU artificial intelligence act: what, when and by whom? *Law, Innovation and Technology*, 15(2), 508-535. DOI: 10.1080/17579961.2023.2245683.
4. He, J., & Zhang, Z. (2025). Algorithm Power and Legal Boundaries: Rights Conflicts and Governance Responses in the Era of Artificial Intelligence. *Laws*, 14(4), 54. DOI: 10.3390/laws14040054.
5. Manotar Tampubolon. (2025). Challenges in Using Multimodal Argumentation in Legal Code. *International Journal for the Semiotics of Law - Revue internationale de Sémiotique juridique*, 38(7), 2201-2218.
6. Wanqiang Wu, Xifen Lin. (2025). Access to technology, access to justice: China's artificial intelligence application in criminal proceedings. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 81. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2025.100741.
7. Yavuz Selim Balcioğlu, Ahmet Alkan Çelik, Erkut Altındağ. (2025). A turning point in AI: Europe's human-centric approach to technology regulation. *Journal of Responsible Technology*, 23, 100128. DOI: 10.1016/j.jrt.2025.100128.

International Experience in the Legal Regulation of Digitalization of Prosecution Authorities

Tamerlan Ya. Evloev

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vasil.andreev.97@internet.ru

Abstract

The digitalization of state bodies is already a global trend, also affecting the system of prosecution authorities. The introduction of digital technologies increases the transparency of work, accelerates processes, and reduces corruption risks. This article examines how different countries or groups of countries regulate this process at the legislative level and what problems are encountered abroad in regulating the introduction of digital tools into the activities of prosecution authorities of other countries.

For citation

Evloev T.Ya. (2026) Mezhdunarodnyy opyt pravovogo regulirovaniya tsifrovizatsii organov prokuratury [International Experience in the Legal Regulation of Digitalization of Prosecution Authorities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 221-227. DOI: 10.34670/AR.2026.33.12.026

Keywords

Digitalization, prosecution authorities, public administration, digital technologies, legislative regulation, international experience, legal regulation, comparative legal analysis.

References

1. Davudova, S. Y., & Ragimkhanova, K. T. (2025). Mezhdunarodnyy i otechestvennyy opyt primeneniya sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v deyatel'nosti prokuratury [International and domestic experience in the application of modern information technologies in the activities of the prosecutor's office]. *Zakon i pravo*, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-i-otechestvennyy-opyt-primeneniya-sovremennykh-informatsionnykh-tehnologiy-v-deyatelnosti-prokuratury>
2. Enqvist, L. (2023). 'Human oversight' in the EU artificial intelligence act: What, when and by whom? *Law, Innovation and Technology*, 15(2), 508-535. <https://doi.org/10.1080/17579961.2023.2245683>
3. He, J., & Zhang, Z. (2025). Algorithm power and legal boundaries: Rights conflicts and governance responses in the era of artificial intelligence. *Laws*, 14(4), 54. <https://doi.org/10.3390/laws14040054>
4. Manotar Tampubolon. (2025). Challenges in using multimodal argumentation in legal code. *International Journal for the Semiotics of Law - Revue internationale de Sémiotique juridique*, 38(7), 2201-2218.
5. Wanqiang Wu, & Xifen Lin. (2025). Access to technology, access to justice: China's artificial intelligence application in criminal proceedings. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 81. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2025.100741>
6. Yavuz Selim Balcioglu, Ahmet Alkan Çelik, & Erkut Altindağ. (2025). A turning point in AI: Europe's human-centric approach to technology regulation. *Journal of Responsible Technology*, 23, 100128. <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2025.100128>
7. Zheleshchikov, A. A. (2024). Mezhdunarodnyy opyt ispolzovaniya instituta tsifrovizatsii v mekhanizme gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya [International experience in using the institute of digitalization in the mechanism of state legal

regulation]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-ispolzovaniya-instituta-tsifrovizatsii-v-mehanizme-gosudarstvenno-pravovogo-regulirovaniya>